

УДК 343.6, ББК 67.408.1, ГРНТИ 10.77.51, КОД ВАК 10.02.19

А. В. Снигирев

Екатеринбург, Россия

**ФИКСАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ВЫЗВАННЫХ РЕЧЕВЫМИ КОНФЛИКТАМИ,
В «АРТИКУЛЕ ВОИНСКОМ» ПЕТРА I**

В эпоху Петра I проходит сложный процесс создания и унификации терминологической парадигмы, связанной с преступлениями, вызванными речевыми конфликтами. Ранее существовавшие в законодательстве единицы отбрасываются, новые становятся более однозначными, четко отличаются друг от друга объемом понятий. Появляется важное разграничение устной и письменной формы совершения правонарушения, начинают разграничиваться «насмешка» и «оскорбление». Появляется понятие контекста высказывания, с учетом которого схожие по составу правонарушения получают различные меры наказания в зависимости от того, кем и где было совершено данное правонарушение. При этом продолжается заложенная в Уложении царя Алексея Михайловича 1649 года тенденция к расширению юрисдикции за счет церковного судопроизводства, а также укрепляется и расширяется понятие личной, семейной чести и даже чести воинского подразделения. Значение чести становится одним из важнейших для человека, наряду с имуществом и жизнью.

Ключевые слова: речевые правонарушения, оскорбление, клевета, честь, «Артикул воинский».

Сведения об авторе: Алексей Васильевич Снигирев, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи Уральского государственного юридического университета. 620027, Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 51-15, E-mail: alex_sengir@rambler.ru

A. V. Snigirev

Yekaterinburg, Russia

**DOCUMENTATION OF CRIMES, CAUSED BY SPEECH CONFLICT, IN THE
«MILITARY ARTICLES» BY PETER I**

In the era of Peter I there was a complex process of creating and unifying the terminological paradigm associated with crimes caused by verbal conflicts, the units already existing in the legislation were discarded, the new ones acquire a more unambiguous meaning and did not overlap with each other in the semantic plane, as it had used to be in the previous documents. An important distinction was made between the oral and written forms of insult or defamation, establishing the

difference between «mockery» and «insult». The concept of the context of utterance appeared bringing different penalties for similar offenses depending on who and where committed the offense. At the same time, the tendency to expand jurisdiction through church litigation, founded by Tsar Aleksei Mikhailovich in the Decree of 1649 still remained, also the concept of personal, family honor and even honor of the military unit was expanded. «Honor» became one of the most important things for a person, along with property and life.

Key words: speech offenses, insult, slander, honor, «Military articles».

About the author: Alexey Vasilyevich Snigirev, Associate Professor of the Department of Russian, Foreign Languages and Speech Culture. Ural State Law University. 620027, Ekaterinburg, Mamina-Sibiriaka street, 51, Apt. 15. E-mail: alex_sengir@rambler.ru

DOI 10.14258leglin(2018)7-808

Реформы Петра I занимают особое место в отечественной истории. Их оценка неоднозначна как в общественном сознании, так и в научной среде. Настолько, что крупнейший специалист по данной эпохе, Е. В. Анисимов, издал книгу с названием «Петр Первый. Благо или зло для России?» [Анисимов 2017]. Действительно, в это период происходят глобальные и неоднозначные изменения, в том числе и законодательстве. Нормативно-правовая база, созданная Петром Первым и его сподвижниками, оценивается в целом как прогрессивная для своего времени, о чем пишут в своих обзорных работах А. О. Бухтияров [Бухтияров 2016], В. А. Терентьева [Терентьева 2014], А. В. Звонов [Звонов 2016], К. С. Ковалев [Ковалев 2016] и многие другие.

«Артикул воинский» занимает особое место в парадигме нормативно-правовых актов петровской эпохи, о чем свидетельствует и длительность работы над ним (первые свидетельства относятся к 1699 году, год издания – 1716), и существование промежуточных редакций Шереметьева и Меншикова, которые были учтены при окончательном варианте, и личное участие в его написании Петра I, и фиксация в нем новых социальных, экономических и правовых отношений, возникших в ходе преобразований в стране.

Созданный с ориентацией на современные международные достижения в области военно-уголовного законодательства, в частности, на шведское,

«Артикул воинский», тем не менее, во многом продолжает отечественную традицию, в том числе и в области фиксации преступлений, совершенных посредством речи.

На данный момент синхронический аспект в изучении проблематики лингвоконфликтологии и юрислингвистики активно и плодотворно развивается, выходят многочисленные монографии и исследования, связанные как с общими проблемами, так и частными случаями, и особое место занимают в данной научной парадигме работы таких авторов, как А. Н. Баранова [Баранов 2012-1], [Баранов 2012-2], Н. Д. Голева [Голев 2017], М. А. Осадчего [Осадчий 2013]. Однако диахронический аспект в изучении данного проблемного поля незаслуженно оставлен без должного внимания.

Именно диахронический анализ, сопоставление текста петровского закона с предшествующими документами, прежде всего с Уложением царя Алексея Михайловича 1649 года, позволяет отметить основные особенности правовой оценки речевых преступлений в исследуемом законодательном акте.

Одной из особенностей отечественного законодательства в данной сфере в предшествующий период является неустоявшийся терминологический аппарат. В предыдущих статьях цикла, посвященных истории отражения правонарушений, вызванных речевыми конфликтами [Снигирев 2017; Снигирев 2016], перечислялись основные понятия, вводимые и изменяемые в процессе развития законодательной системы. Многие из них встречаются в «Артикуле воинском».

В частности, в исследуемом документе обнаруживается термин «хула» («хуление», «хулить»). Он фиксировался в предшествующих текстах и по-прежнему используется преимущественно по отношению к преступлениям против веры: *«Арт. 3. Кто имени Божию хуление (здесь и далее выделено нами. – А.С.) приносит, и оное презирает, и службу Божию поносит, и ругается слову Божию и святым таинствам, а весьма в том он обличен будет»; «Арт. 4. Кто пресвятую Матерь Божию Деву Марию и Святых ругательными словами поносит, оный имеет, по состоянию его особы и*

хуления, телесным наказанием отсечения сустава наказан или живота лишен быть»; «Арт. 5. Ежели кто слышит таковое хуление, и в принадлежащем месте благовременно извету не подаст, оный имеет по состоянию дела, яко причастник богохуления, живота или своих пожитков лишен быть»; «Арт. 6. А ежели слова онаго ругателя никакова богохуления в себе не содержат, и токмо из легкомыслия произошли» [Памятники русского права, 1961, с. 322]. Однако происходит расширение значения слова «хула» – теперь оно относимо и к оскорблению главы государства и его семьи: «Арт. 20. Кто против Его Величества особы хулительными словами погрешит, Его действие и намерение презирать и непристойным образом о том разсуждать будет, оный имеет живота лишен быть, и отсечением главы казнен. <...> И яко же о Его Величестве самом в оном артикуле помянуто, разумеется тако и о Его Величества Царской супруге, и Его Государства наследии» [Памятники русского права 1961: 325]. При этом на священников, как представителей церкви, вопреки возможному ожиданию, данный термин не распространяется, хотя речевые преступления против них расцениваются как подлежащие удвоенному наказанию: «Арт. 13. Всем офицерам и рядовым надлежит Священников любить и почитать, и никто да не дерзает оным как словом, так и делом досаду чинить, и презирать, и ругаться... А кто против того погрешит, имеет по изобретению его преступления вдвое так, как бы то над простолудином над другим учинил, наказан быть» [Памятники русского права 1961: 323].

В «Артикуле» предусмотрены наказания за преступления против веры: *«Пресвятое и достохвальное имя Божие да не воспримется всуе: в клятве, божбе и лже. И ежели кто найдется, который оие в сердце, или с должной ревности чина своего учинит, оный имеет, по состоянию своего чина, некоторое число денег в шпиталь дать, или в присутствии регимента мушкеты, пики или карабины носить»* [Памятники русского права 1961: 322]. Отметим, что в данной статье, как и в предшествующих нормативно-правовых актах, сохраняется традиция сословного подхода к наказанию, разделяющего

потенциальных нарушителей *«по состоянию ... чина»*. Также необходимо отметить, что происходит увеличение списка преступлений против веры, свершаемых посредством речи. Из оборота церковного суда в область военно-уголовного законодательства переносится не только упоминание имени Бога всуе, но и чародейство, доноительство о богохульстве и т.д.

В «Артикуле воинском» впервые происходит попытка осознания того, что не всякие негативные высказывания способны наносить ущерб чести и деловой репутации объекта речи: *«Арт. 21. <...> А если кто дерзнет оным, или одинаго из них, непристойными и насмешными словами поносить (однакож не такая слова, которая чести касатися не будут)»*. См. также следующий параграф: *«Арт. 22. Кто Фельдмаршала или Генерала бранными словами поносить, или в компаниях и собраниях прочих предосудительныя слова, их чести касающиеся...»* [Памятники русского права 1961: 325]. И далее, в статье о «пасквилях»: *«Арт. 149. Кто пасквили или ругательныя письма тайно сочинит, пришьет и распространит, и тако кому непристойным образом какую страсть или зло причтет, чрез что его добром имени некакой стыд причинен быть может <...> Ежели же дело, в котором будет в пасквиле обруганный обвинен, весьма о том будет доказано, то правда, хотя обыкновенное наказание не произведено будет...»* [Памятники русского права 1961: 353]. Кроме того формулируется особая статья о письменном оскорблении (в тексте «Артикула воинского» – «пасквиль»). Характерно, что один из способов наказания за данное правонарушение – сжигание палачом текста пасквиля под виселицей – носит черты архаичного ритуального наказания.

Важнейшей чертой «Артикула воинского» становится то, что происходит унификация терминологии, связанной с преступлением, которое в современном отечественном законодательстве рассматривается в статьях ст. 128.1, ст. 5.61 КоАП РФ (Оскорбление), ст. 152 ГК РФ (Защита чести, достоинства...). Если в предшествующих документах встречались, зачастую в одном своде законов, различные термины – «лай», «грубые речи», «непригожие слова», то в

петровском документе на первый план выходит термин «брань»: «*Арт. 34. Никто да не дерзает судей, Комиссаров и служителей провиантских, такожде и оных, которые на экзекуции посылаются, бранить* (здесь и далее выделено нами. – А.С.) ...»; «*Арт. 22. Кто Фельдмаршала или Генерала бранными словами поносить...*»; «*Арт. 138. Ежели учинится ссора, брань или драка между рядовыми...*»; «*Арт. 152. Ежели кто другаго не одумавшись с сердца, или не опаматовась бранными словами выбранит, оный пред судом у обиженного христианское прощение имеет чинить и просить о прощении; и ежели гораздо жестоко бранил...*»; «*Арт. 153. А ежели кто против бранных слов боем или иным своевољством отмцать будет, оный право свое тем потерял...*» [Памятники русского права 1961: 325–355]. Данная унификация может быть интерпретирована двояко: во-первых, как очередная стадия развития нормативно-правовой базы, на которой осознается необходимость единообразия с целью исключения инотолкования; во-вторых, по причине наличия главного редактора текста, который привнес в него особенности своего идиолекта.

В тексте встречаются и другие термины, связанные с понятием «брань», в том числе «словом и делом досаду чинить», «поносныя слова» и «уязвить». Последнее слово в контексте одной из статей действительно может быть расценено как обозначение словесного оскорбления: «*Арт. 33. Такожде никто из офицеров да не дерзает обретающихся под своею командою солдат, без важных и пристойных причин, которыя службе Его Величества не касаются, жестоко бить или уязвить*» [Памятники русского права 1961: 328]. С другой стороны, другие контексты употребления слова дают иное значение, которое, скорее всего, связано не с оскорблением словом, а прежде всего с нанесением физического урона: «*Арт. 36. Кто из офицеров, или рядовых, в присутствии Фельдмаршала или командующаго Генерала <...> в сердцах свою шпагу обнажит в том намерении, чтоб уязвить: оный имеет, хотя он никакова вреда не учинит, живота лишен аркибузированием будет* [Памятники русского права 1961: 329]. Поэтому думается, что интерпретация термина «уязвление»

как речевого преступления является гиперинтерпретацией, основанной на позднейшем расширении семантики термина и выделении его переносных значений (ср. современное однокоренное «язвительность»).

«Поносные слова» связаны с категорией клеветы, что подтверждается употреблением выражения «поносительные письма», обозначающего памфлеты, а в Артикуле 151 дается следующее: *«Ежели офицер о другом чести касающихся или поносных слова будет говорить, дабы тем его честное имя обругать и уничтожить, оный имеет пред обиженным и пред судом обличать свои слова и сказать, что он солгал, и сверх того посажен быть на полгода в заключение»* [Памятники русского права 1961: 355]. Обращает на себя внимание разграничение двух видов речевых правонарушений: употребление унижающих достоинство выражений и собственно «поносные слова», – повторяющих дихотомию оскорбление\клевета. Важным кажется и указание на то, что в суде может быть доказано, что человек, произнесший «поносные слова», солгал.

Петр I активно вводит в нормативно-правовой оборот и в целом в систему нравственных ориентиров современного ему общества понятие «честь», расширяя его и иногда перенося в совершенно неожиданные сферы. Так, появляются даже «честные науки» и многое другое. Безусловно, это не могло не найти своего отражения в законодательстве.

Обращает на себя внимание, что уже в тексте присяги, в заглавной части «Артикула Воинского», честь обозначается как ценность, равновеликая самой жизни военнослужащего: *«и верно так, как мне приятна честь моя и живот мой, следовать буду»* [Памятники русского права 1961: 320]. Понятие чести в законодательстве разработано весьма тщательно, так что оскорблениям, наносящим урон чести, противопоставляются насмешки, которые, с точки зрения законодателя, ущерба не наносят. Кроме того, вводится особый вид наказания – «лишение чести» (шельмование), что является новым для отечественного законодательства, например: *«...за непристойное его дерзновение, лишением чести наказать»* [Памятники русского права

1961: 327]; *«А кто против сего артикула учинит, лишится чести, чина и имени своего»* [Памятники русского права 1961: 333]; *«Кто погрешит против того, имеет в том прощения просить, или заключением наказан, или по состоянию дела, чести или живота лишен быть»* [Памятники русского права 1961: 324], причем данный вид наказания причислен к тяжелым и иногда применялся не только вместе с лишением имущества, как видно из приведенных цитат, но и со смертной казнью. Выделяются и разновидности смертной казни – так, например, расстрел, в отличие от повешения, не лишает казнимого его чести.

Что характерно, Артикул 139 категорически запрещает поединки, которые являются формами самостоятельной защиты чести. Фактически в момент издания «Артикула Воинского» поединки имели место почти исключительно среди иноземцев, состоящих на военной службе, но дуэли стали распространяться и среди русского дворянского офицерства. Как и в современном ему западноевропейском законодательстве, особенно французском, в «Артикуле» устанавливается беспощадное наказание за вызов на дуэль, независимо от того, что послужило поводом для нее (хотя бы самые тяжкие оскорбления и насилия), а также за принятие вызова, за участие в поединке, в чем бы то ни выразилось (включая роли секундантов). Все участники дуэли, в том числе и раненые, подлежали повешению (казнью с бесчестием) независимо от исхода дуэли. Даже убитого на дуэли предписывалось повесить за ноги.

Таким образом, проанализированный текст позволяет сделать следующие выводы об изменениях, связанных с фиксацией преступлений, совершенных посредством речи. В «Артикуле воинском», по сравнению с предшествующими нормативно-правовыми актами, проходит сложный процесс создания и унификации терминологической парадигмы, связанной с преступлениями, вызванными речевыми конфликтами. Ранее существовавшие единицы отбрасываются, новые приобретают более однозначное значение и уже не перекрывают друг друга в семантическом плане, как это фиксируется в

предшествующих документах. Появляется важное разграничение устной и письменной формы нанесения оскорбления или клеветы, фиксация различия «насмешки» и «оскорбления», понятие контекста высказывания, когда схожие по составу правонарушения имеют различные меры наказания, зависящие от того, кем и где было совершено данное правонарушение. Продолжается заложенная в Уложении царя Алексея Михайловича 1649 года тенденция к расширению юрисдикции за счет церковного судопроизводства. Укрепляется и расширяется понятие личной, семейной чести и даже чести воинского подразделения, Само понятие «честь» становится одним из важнейших для человека, наряду с имуществом и жизнью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимов Е. В.* Петр Первый. Благо или зло для России? Новое литературное обозрение. 2017.
2. *Баранов А. Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М., 2012.
3. *Баранов А. Н.* Введение в прикладную лингвистику. М., 2012.
4. *Бухтияров А. О.* Артикул воинский 1715 г. и Воинский устав 1716 г.: историко-правовая характеристика. Новая наука: Проблемы и перспективы. 2016. № 9–1. С. 137–140.
5. *Голев Н. Д., Воробьева М. Е.* Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании. Кемерово, 2017.
6. *Звонов А. В.* Система уголовных наказаний по законодательству периода становления абсолютизма в России: аналитический обзор. Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 3 (40). С. 158–163.
7. *Ковалев К. С.* Деятельность Российского государства по совершенствованию процессуального права в военной сфере в начале XVIII века. Поволжский педагогический поиск. 2016. № 4(18). С. 19–21.
8. «Памятники русского права». Выпуск восьмой. М., 1961.
9. *Снигирев А. В.* Отражение правонарушений, вызванных речевыми конфликтами, в юридических документах периода создания единого Московского государства. Юрислингвистика. 2017. № 6. С. 58–67.
10. *Снигирев А. В.* Отражение правонарушений, вызванных речевыми конфликтами, в юридических документах Киевской руси и периода феодальной раздробленности. Юрислингвистика. 2016 № 5. С. 88-95.

11. Терентьева В. А. Артикул воинский как источник формирования института освобождения от уголовного наказания. Наука и образование. 2014. С. 259-260.

REFERENCES

1. Anisimov E. V. Peter the Great. Good or evil for Russia? [Petr Pervyj. Blago ili zlo dlya Rossii?]. New literary review. 2017.
2. Baranov A. N. Linguistic examination of the text: theory and practice [Lingvisticheskaya ehkspertiza teksta: teoriya i praktika]. Moscow, 2012.
3. Baranov A. N. Introduction to applied linguistics [Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku]. Moscow, 2012.
4. Bukhtiyarov A. O. Military article 1715 and the Military Charter of 1716: historical and legal characteristics [Artikul voinskij 1715 g. i Voinskij ustav 1716 g.: istoriko-pravovaya harakteristika]. New science: Problems and prospects. 2016. № 9-1. Pp. 137-140.
5. Golev N. D, Vorobyeva M. E. Interpretational functioning of a legal language in ordinary consciousness [Interpretacionnoe funkcionirovanie juridicheskogo yazyka v obydenom soznanii]. Kemerovo, 2017.
6. Zvonov A. V. The system of criminal penalties under the legislation of the period of the formation of absolutism in Russia: an analytical review [Sistema ugovolnyh nakazanij po zakonodatel'stvu perioda stanovleniya absoljutyizma v Rossii: analiticheskij obzor]. Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2016. № 3 (40). Pp. 158-163.
7. Kovalev K. S. The activities of the Russian state to improve the procedural law in the military sphere at the beginning of the XVIII century [Deyatel'nost' Rossijskogo gosudarstva po sovershenstvovaniyu processual'nogo prava v voennoj sfere v nachale XVIII veka]. Povolzhskiy pedagogical search. 2016. № 4 (18) Pp. 19-21.
8. «Monuments of Russian Law. Volume eighth» [«Pamyatniki russkogo prava. Vypusk vos'moj»]. Moscow, 1961.
9. Snigirev A. V. Reflection of offenses caused by speech conflicts in legal documents of the period of the creation of a single Moscow state [Otrazhenie pravonarushenij, vyzvannyh rechevymi konfliktami, v juridicheskikh dokumentah perioda sozdaniya edinogo Moskovskogo gosudarstva]. Jurislinguistics. 2017. № 6. Pp. 58-67.
10. Snigirev A. V. Reflection of offenses caused by verbal conflicts in legal documents of Kievan Rus and the period of feudal fragmentation [Otrazhenie pravonarushenij, vyzvannyh rechevymi konfliktami, v juridicheskikh dokumentah Kievskoj rusi i perioda feodal'noj razdroblennosti]. Yurilingvistika. 2016. № 5. Pp. 88-95.
11. Terentyev V. A. Articulated military as a source of formation of the institution of

liberation from criminal punishment [Aartikel voinskij kak istochnik formirovaniya instituta osvobozhdeniya ot ugovnogo nakazaniya. Nauka i obrazovanie]. Science and education. 2014. Pp. 259-260.